

Отримані в результаті аналізу матеріали відкривають **перспективу** для подальшого дослідження неоднозначних висловлень, зокрема в межах тактик застосування неоднозначності мовцем і слухачем.

Бібліографічні посилання

1. **Апресян Ю. Д.** О регулярной многозначности / Ю. Д. Апресян // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. – 1971. – № 6. – С. 509–523.
2. **Вандервекен Д.** Небуквальные речевые акты / Д. Вандервекен // Концептуализация и смысл. – Новосибирск : Наука. – 1990. – С. 31–61.
3. **Москвин В. П.** Двусмысленность как стилистический прием / В. П. Москвин // Русская речь. – 2008. – № 1. – С. 35–42.
4. **Почепцов Г. Г.** Избранные труды по лингвистике / Г. Г. Почепцов. – Харьков : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2009. – 556 с.
5. **Падучева Е. В.** Высказывание и его соотносительность с действительностью / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 271 с.
6. **Зализняк А. А.** Феномен многозначности и способы его описания / А. А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2. – С. 20–44.
7. **Austin J. L.** How to Do Things with Words / L. J. Austin. – Oxford : Oxford University Press, 1962. – 168 p.
8. **Altmann G.** Ambiguity in Sentence Processing. Trends in Cognitive Sciences / G. Altmann. – Amsterdam : Elsevier, 1998. – Vol 2. – P. 146–152.
9. **Bach K.** The Semantics-Pragmatics Distinction: What It Is and Why It Matters / K. Bach // The Semantics/Pragmatics Interface from Different Points of View. – Oxford : Elsevier, 1999. – P. 65–84.
10. **Church K.** Coping with Syntactic Ambiguity or How To Put The Block In the Box On The Table / K. Church, R. Patil // American Journal of Computational Linguistics. – 1982. – Vol. 8. – No. 3. – P. 130–148.
11. **Empson W.** Seven Types of Ambiguity / W. Empson. – New York : New Directions Publishing Corporation, 1966. – 287 p.
12. **Fraser B.** Pragmatic Competence: The Case of Hedging / New Approaches to Hedging / B. Fraser. – Amsterdam : Emerald Group Publishing Limited, 2010. – 60 p.
13. **Leech J.** Principles of Pragmatics / J. Leech. – London : Longman, 1983. – 266 p.
14. **Searle J. R.** Speech Acts / J. R. Searle. – Cambridge : Cambridge University Press, 1969. – 137 p.
15. **Tuggy D.** Ambiguity, Polysemy and Vagueness / D. Tuggy // Cognitive Linguistics, 1993. – Vol. 4. – P. 273–290.

Надійшла до редколегії 28.01.16

УДК 811.161

Е. И. Панченко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *БИБЛИОТЕКА* В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Рассмотрено понятие художественного концепта на примере концепта **БИБЛИОТЕКА**. Исследованы лингвостилистические и аксиологические особенности вербализации указанного концепта в русском художественном тексте. Определено, что типичными фреймами для концепта **БИБЛИОТЕКА** можно считать такие, как помещение, собрание книг, собрание людей.

Установлено, что среди стилистических приемов наиболее распространёнными являются эпитеты и олицетворение; с аксиологической точки зрения концепт является амбивалентным.

Ключевые слова: концепт, фрейм, эпитет, олицетворение, аксиологические единицы.

Панченко О. І. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.
ВЕРБАЛІЗАЦІЯ КОНЦЕПТУ БІБЛІОТЕКА В РОСІЙСЬКОМУ ХУДОЖНЬОМУ ТЕКСТІ

Розглянуто поняття художнього концепту на прикладі концепту БІБЛІОТЕКА. Досліджено лінгвостилістичні та аксіологічні особливості вербалізації зазначеного концепту в російському художньому тексті. Визначено, що типовими фреймами для концепту БІБЛІОТЕКА можна вважати такі, як приміщення, зібрання книг, зібрання людей. Встановлено, що серед стилістичних засобів найпоширенішими є епітети та уособлення; із аксіологічного погляду концепт є амбивалентним.

Ключові слова: концепт, фрейм, епітет, уособлення, аксіологічні одиниці.

Panchenko O. I. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **CONCEPT LIBRARY VERBALIZATION IN RUSSIAN ARTISTIC TEXT**

The article gives a general view on the research problem of the concept LIBRARY in the Russian artistic text which corresponds to topical researches, as the concept role as a unit of cognitive knowledge and as a linguocultural unit increases in present period of interdisciplinary researches. On the other hand, the library as the cultural phenomenon, unfortunately, loses its role, and, probably, the research of its artistic reflexion can throw light on the reasons of the current situation and ways of its improvement. Various linguocultural concepts receive an extended coverage in the modern linguistic literature. The joint research in such scientific directions as semantics and cognitive linguistics is done by N. D. Arutyunova, E. S. Kubryakova, J. Lakoff and M. Johnson etc. The purpose of the given article is the description of linguostylistic and axiological features of artistic realization of the concept LIBRARY in Russian. For achievement of the given purpose it is necessary to solve such problems, as the analysis of theoretical judgment of the artistic concept, formation of set of artistic fragments with the concept LIBRARY. The conducted research allows drawing the conclusions that the concept LIBRARY is an artistic transformed ambivalent concept which finds an embodiment by means of a number of epithets and personifications. Prospects of the further research are seen in the lexicographic analysis of the given concept.

Key words: concept, frame, epithet, metaphor, personification, axiological units.

В данной статье в общем виде ставится проблема исследования концепта БИБЛИОТЕКА в русском художественном тексте, которая находится в русле актуальных исследований, поскольку роль концепта как единицы когнитивного знания и как лингвокультурологической единицы возрастает в современную эпоху междисциплинарных исследований. Напротив, сама библиотека как культурное явление, к сожалению, утрачивает свою роль, и, возможно, исследование ее художественного отражения может пролить свет на причины сложившейся ситуации и способы ее улучшения.

Различные лингвокультурологические концепты получают широкое освещение в современной лингвистической литературе. На стыке таких научных направлений, как семантика и когнитивная лингвистика, работают Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. Вежбицкая, В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф и М. Джонсон, проблемы лингвокультурологической концептологии изучают В. И. Карасик, Д. С. Лихачев, В. А. Маслова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Ю. С. Степанов. Те или иные частные концепты изучают десятки исследователей, однако, насколько нам известно, концепт БИБЛИОТЕКА еще не получил отдельного освещения в лингвистической литературе.

Целью данной статьи является описание лингвостилістических и аксіологіческих особенностей художественного воплощения концепта БИБЛІОТЕКА в русском языке. Для достижения данной цели необходимо решить такие задачи, как анализ теоретического осмысления художественного концепта, формирование совокупности художественных фрагментов с концептом БИБЛІОТЕКА и описание их лингвостилістических и аксіологіческих признаков.

Художественное произведение, по мнению когнитологов, представляет собой совокупность художественных концептов. Л. В. Миллер определяет художественный концепт как «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества», как «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [3, с. 41–45].

Для художественного концепта характерна образность лексической репрезентации, соотносящаяся с авторским замыслом и являющаяся метафорическим освоением внеязыковой действительности конкретным субъектом мысли и речи – автором художественного произведения [2, с. 43–44].

Художественные концепты образны, символичны потому, «что они означают больше данного в них содержания» [1, с. 91]. Эту символичность С. Аскольдов называет «ассоциативной запредельностью», подразумевая «чужое сознание», «сознание другого». Восприятие читателями художественных концептов, созданных писателем, который удален от читателей во времени и пространстве, представляет собой вариант их нового порождения [Там же, с. 91], условно названное «первичное новое порождение художественного концепта».

Материалом нашего исследования послужили около 200 фрагментов художественных текстов русской литературы XIX–XXI вв. Анализ изученного материала позволяет говорить о том, что концепт БИБЛИОТЕКА можно считать включающим в себя такие фреймы, как «Помещение», «Собрание книг», «Собрание людей».

Помещение библиотеки в большинстве случаев описывается как просторный зал:

Над безднами библиотек / Они как маяки маячат, / Стоят как стражи на часах (Л. Н. Мартынов. «Я думаю, / Что на Земле...»).

Сердцем Smithonian была, конечно, библиотека – обширный зал, роскошно декорированный дубом, со всяческими раритетами в кожаных переплетах на полках, закрывавших стены (Н. Климонтович. Далее – везде).

Типичными эпитетами, которые встречаются в исследованных нами текстах, являются следующие:

– душный:

Вообще человек / С любою книгой, в любом трамвае, / В душных залах библиотек / И даже пальцем листы разрывая, / Это почти всегда к добру: Плохие книги встречаются редко (Б. А. Слуцкий. Человек с книгой);

Из душных библиотек / Пойдем цветы срывать! / Твой пурпуровый ротик / Позволь поцеловать (С. М. Соловьев. К Делии (Стрелы купидона));

– многолюдный:

Что ты будешь шагать, как бывало, / В ту страну, где поглотят твой век / Многолюдные белые залы / Академий и библиотек (В. Ф. Перелешин. Рок);

– пыльный (пыль):

В пыльном хламе библиотек / Ждал несчастный идиотик: / Вот, мол, вот! (В. В. Князев. Колокольный звон);

В стенах вечерних библиотек, / Когда раздумья так чисты, / А пыль пьянее, чем наркотик! (Н. С. Гумилев. В библиотеке);

Пусть я паук в пыли библиотек: / Я просвещенный, книжный человек, / (Андрей Белый. Признание).

Среди других наиболее употребительных стилистических фигур при описании библиотеки необходимо упомянуть олицетворение, когда библиотека воспринимается как живое существо:

Библиотека дышала им прямо в лицо тяжелым, но приятным запахом старой бумаги и книжной пыли, чуть слышно шелестя миллионами книжных страниц (Дмитрий Глуховский. Метро 2033).

Марина не заметила, что библиотека давно осталась позади, гневно сверкнув огромными окнами (Ксения Яхонтова. Смятение Анастасии).

Помещение библиотеки может оцениваться в художественном тексте амбивалентно, то есть оно получает как положительную, так и отрицательную оценку. Приведем несколько примеров фрагментов с положительно коннотированной лексикой. Так, помещение библиотеки воспринимается как чертог, некий сладостный и гордый мир.

Тут, в чертогах библиотек, / Нужных книг не найдешь вовек, / А работать надо, как вол, / А читатель прет на футбол (Г. А. Шенгели. Это всё еще – «только...»);

Сладостный мир библиотек, вечерний запах левкоев, / Грусть золотых вечеров, нега прохладная бань! (С. М. Соловьев. Элегия);

От грозных пирамид и гордых библиотек / До гор, воздвигнутых из ракушек морских, / От криков дикаря, метнувшего свой дротик, / До черного червя, который мудро тих (В. Я. Брюсов. Жизнь).

Восхищенное восприятие библиотеки в современном тексте передается с помощью аллюзии на всемирно известное произведение Умберто Эко:

Библиотека, та прям как в «Имени Розы» получилась (Анна Берсенева. Полет над разлукой).

«Даруй мне тишь твоих библиотек», – пишет Белла Ахмадулина.

В верхнем этаже была библиотека. Книги обнимали стены, книги уходили к потолку, который почти весь был стеклянный, книги, книги большие и маленькие лежали на столах, у глубоких кресел на полу – везде (З. Н. Гиппиус. Богиня).

Однако в ряде произведений библиотека воспринимается как нечто тоскливое и опасное, характеризуемое такими эпитетами, как «немой» и «никчемный».

А люди умирают от тоски / За окнами холодных библиотек (В. М. Лебедев. Огненные города).

Хмель городов, динамит библиотек, / Книг и музеев отстойный яд (М. А. Волошин. Четверть века).

Кто вырастет, играя в би-ба-бо, / целуя перед сном гримасный ротик, / кто нас полюбит в мраке библиотек, / как мы эпоху буклей и жабо? (В. А. Злобин. Кто вырастет, играя в би-ба-бо...).

Он с трепетом заглядывает в тень / Немых библиотек, лабораторий; / На лекциях он – весь вниманье, слух... (Д. С. Мережковский. Вера).

В голове всплыло никчемное длинное слово «библиотека» и вертелось, мешая (Симон Соловейчик. Ватага «Семь ветров»).

Конец XX века знаменуется резко ироническим отношением к библиотеке, например:

Из двери с надписью «Библиотека» вдруг выскочила, бекая, толпа баранов (Валерий Попов. Будни гарема).

Говоря о библиотеке как о собрании книг, авторы традиционно описывают богатую библиотеку, собранную представителем предыдущих поколений:

Это была типичная библиотека, уходящая корнями еще в собирательскую страсть ее отца (Ирина Полянская. Прохождение тени).

Дома все стены были заняты книжными полками: у покойного деда Юрия Илларионовича была огромная библиотека, которая собиралась не одним поколением Гриневых и перекочевала в новую квартиру из коммуналки на Большой Ордынке (Анна Берсенева. Возраст третьей любви).

Своеобразное описание библиотеки как собрания людей представлено в фантастическом романе Михаила Елизарова «Библиотекарь». Разбросанные по стране так называемые «библиотеки» (некие секты) ведут борьбу за несколько книг забытого писателя Громова, которые обладают некоей магической энергетической силой.

...Через три года Лагудов снова возник, и вокруг него уже сформировался мощный клан, или, как они сами себя называли, библиотека. В девяносто первом году библиотека пополнилась отставниками, не пожелавшими изменить советской присяге. Библиотека всегда могла выставить до сотни бойцов (Михаил Елизаров. Библиотекарь).

Краткий обзор диахронического изменения аксиологии концепта БИБЛИОТЕКА представляет собой следующую картину: библиотека издавна была символом принадлежности к особому миру:

Была некогда и библиотека в доме, доставшаяся по наследию; до самого времени возрождения вкусов она занимала целую комнату; потому что в прошедшем столетии и даже в начале настоящего была и в России мода на библиотеки, и невозможно было не иметь коллекции французских писателей, in-folio, enrichis et ornes de figures, dessines et graves каким-нибудь Bernard Picard et autres habiles artistes (А. Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея).

Разрушение устоявшегося мира в XX веке сделало своим символом разрушение библиотеки:

В кровавом тумане / Реву толпы, / Сокрушая столпы / Библиотек, / Фронтонны музеев, / Одряхлелых дворцов (В. Я. Брюсов. Мятёж).

Снова собираемые библиотеки XX века, увы, уже не свидетельствовали о высоком интеллектуальном уровне своих владельцев, а стали символом престижа:

Если у тебя в доме на полке тогда стояла вся БВЛ (Библиотека всемирной литературы), то это было примерно как сейчас «Майбах» (Татьяна Соломатина. Мой одесский язык).

Собиратели книг скрыто или подчеркнуто не делились ими:

Кажется, он библиоман: у него своя библиотека; я просил почитать что-нибудь, он смутился, обещал дать книгу и до сих пор ничего не дал (В. Ф. Панова. Спутники).

Напомним печально известный народный фольклор второй половины XX века:

Не шарь по полкам жадным взглядом – / здесь книги не даются на дом. / Лишь безнадежный идиот / знакомым книги раздаёт.

Символом упадка роли библиотеки и в целом интеллектуального уровня потенциального читателя становятся современные анекдоты о библиотеке:

В библиотеке произошел теракт. Жертв нет (т. е. библиотека была пуста); и знаменитый номер Михаила Галустьяна «И тишина должна быть в библиотеке».

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что концепт БИБЛИОТЕКА является художественным трансформирующимся амбивалентным концептом, который вербализуется с помощью ряда эпитетов и олицетворений. Перспективу дальнейшего исследования мы видим в лексикографическом анализе данного концепта.

Библиографические ссылки

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская речь. Новая серия. – Л., 1928. – Вып. 2. – С. 28–44.
2. Афанасьева О. В. Особенности лексической репрезентации художественного концепта [на примере концепта времени в произведении Р. М. дель Валье-Инклана «Весенняя соната»] / О. В. Афанасьева // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы : междунар. науч. конференция : труды и материалы / под общ. ред. К. Р. Галиуллина. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С. 43–44.
3. Миллер Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л. В. Миллер // Мир русского слова, 2000. – № 4. – С. 41–45.

Надійшла до редколегії 15.12.15

УДК 81'42

Г. М. Пасько

Національна металургійна академія України (м. Дніпропетровськ)

ФРЕЙМОВІ МОДЕЛІ ЗАГАДОК (на матеріалі слов'янських та германських мов)

Проаналізовано концептуальну структуру загадок у російській, українській, англійській та німецькій мовах через базові фреймові моделі, зокрема досліджено вияв предметного, акціонального, посесивного та компаративного фреймів у когнітивній площині функціонування мовленнєвого жанру загадки.

Ключові слова: дискурс, концепт, концептуальна метафора, мовленнєвий жанр, фрейм.

Пасько А. М. Национальная металлургическая академия Украины (г. Днепропетровск). **ФРЕЙМОВЫЕ МОДЕЛИ ЗАГАДОК (на материале славянских и германских языков)**

Проанализирована концептуальная структура загадок в русском, украинском, английском и немецком языках через базовые фреймовые модели, в частности исследовано выражение предметного, акционального, посесивного и компаративного фреймов в когнитивной плоскости функционирования речевого жанра загадки.

Ключевые слова: дискурс, концепт, концептуальная метафора, речевой жанр, фрейм.

Pasko H. M. The National Metallurgical Academy of Ukraine (Dnepropetrovsk). **FRAME MODELS OF RIDDLES (ON THE BASIS OF SLAVIC AND GERMANIC LANGUAGES)**

The paper discloses conceptual structure of riddles in Russian, Ukrainian, English and German languages through the basic frame models.

The purpose of the paper is to analyze frame models of riddles in Slavic and Germanic languages. The purpose raises the following tasks: 1) to define the notion of frame; 2) to study the manifestations of the subject, action, possessive and comparative frames in the structure of Russian, Ukrainian, English and German riddles. The method of the frame analysis has been used in the research.

It has been proved, that the subject frame and action frame (which characterize the answers of the riddles according to their qualitative parameters and in dynamics) are equally common for Slavic and Germanic languages (37,5 % both), while possessive frame (19 %) and comparative frame (6 %) are less frequent.

The problem of frames is a promising trend as the following cognitive analysis of the genre of speech riddle in Slavic and Germanic languages helps to find out the universal frame models of riddles and to disclose mental mechanisms of their formation by analogy.

Key words: discourse, concept, conceptual metaphor, genre of speech, frame.